

Свободно долетев до огромного дзюцу, которое, как вспомнил Учиха, называлось Senrō: Mokuton: Shin Sūsenju, клинок воткнулся между руками в районе «плеч», позволив Мадаре спокойно прыгнуть на голову статуи в нескольких метрах от сидящего в позе лотоса Хаширамы, с лица которого, к сдержанной радости Учиха, пропал черный пигмент.

— Природная чакра кончилась, — пожал он плечами. — Надеюсь ты не решил вдруг, что я поддаюсь? Просто, Тысячерукая Истина — прожорливая зараза, а только моей чакры для контроля недостаточно... не рассчитал маленько, ха-ха-ха!

Мадара поверил. Будь Хаширама хотя-бы в половину столь же расчетливым и хладнокровным шиноби, как его брат, он давно уже был бы мертв, но Хаширама был собой. Было всего лишь два поединка, когда Мадара был настолько силён, что вынудил Сенджу сражаться абсолютно серьёзно. Потерять брата во второй раз чтобы усилить свои глаза за счёт ненависти и отчаяния он не мог. И, к сожалению, по условиям этой битвы у него не было с собой подконтрольного Девятихвостого Лиса. Поэтому сын гнилого бревна и глупости мог себе позволить страдать ерундой, тратя непомерные объёмы чакры на не самые надежные, с тактической точки зрения, дзюцу. Но Мадара честно для себя признавал, что только в таких обстоятельствах мог победить Хашираму.

— Потанцуем? — предложил он, распечатав из печатей на браслетах каму и гунбай.

— Ты ведь понимаешь, что уже проиграл? — непринужденно поинтересовался Сенджу.

— То есть ты отказываешься? — серьёзно переспросил Учиха, не соглашаясь с его утверждением, но и не отрицая.

— Не задавай тупых вопросов, Мадара, — вернув ему его же фразу Хаширама вновь жизнерадостно улыбнулся. Кровожадно оскалившись в ответ, Учиха рванул в атаку.

Теперь, когда Сенджу вышел из Режимы Отшельника преимущество в тайдзюцу было на стороне Мадары. Хаширама всё ещё был физически значительно сильнее Учиха, что даже при превосходстве в скорости должно было бы стать фатальным для него, так как это превосходство было сравнительно небольшим. Кроме того, Хаширама Сенджу очень хорошо сражался в рукопашную. При помощи одной лишь великолепно отточенной техники и рефлексам он мог одолеть практически любого шиноби один на один, а благодаря опыту сражений с гением Учиха, его движения были практически непредсказуемы: зачастую он жертвовал эффективностью в обмен на внезапность.

Но Мадара всё ещё являлся обладателем Эйен но Мангёку Шарингана. Он вполне обоснованно полагал, что находился на совсем ином уровне мастерства. У него не было боевого стиля как такового. Учиха анализировал каждое движение противника ещё до того, как это движение становилось окончательно оформлено, предсказывая все возможные варианты атаки и защиты которые могут вытечь из этого движения, параллельно выбирая способы противодействия из тысячи тысяч приёмов и комбинаций, что он когда-либо видел своим шаринганом. Поединок был для него дорогой с великим множеством развилок, что была не слишком хорошо известна

оппоненту, но давным давно вдоль и поперёк была изучена им самим.

Поэтому Хаширама даже не пытался противостоять Мадаре в чистом тайдзюцу, что сразу же четко обозначил, попытавшись захватить ноги противника вырвавшимися из деревянной головы корнями. Учиха ушёл от них высоким прыжком вверх. Концентрацию, необходимую для создания нового дзюцу, Мадара попытался прервать броском куная, но Хаширама предпочел чуть сместить корпус, позволив клинку попасть в плечо вместо живота и всё же завершить технику, попробовав поймать Учиха в воздухе на резко выстрелившие несколько бывших рук, обратившихся острыми кольями. Мадара резким взмахом гунбая, словно крылом, оттолкнулся от воздуха направляя себя вниз, прямиком на новые кольца, заранее выращенные просчитавшим его Хаширамой. От них Учиха вновь спас гунбай брошенный под ноги. Более Сендзю противостоять сближению не мог. Демонически оскалившись, Мадара прыгнул на Хашираму с занесённой для атаки камой, вложив в удар всю массу тела. Но противник спокойно заблокировал лезвие крепко сжав обеими руками распечатанный в последний миг короткий, но очень широкий и, как ни странно, лёгкий тесак — своё любимое оружие, почти такое же несуразное, как сам Хаширама. Ранение в плечо ничуть ему не мешало. От этого ранения, по сути, уже почти ничего не осталось, кроме выпавшего из раны куная и дыры в одежде.

Невероятная регенерация Хаширамы сама по себе не была так уж опасна. В конце концов, отсечение головы не пережить даже ему, но о том, чтобы измотать Сендзю мелкими ранениями было нечего думать, как и о том, чтобы избить его голыми руками. Сам Мадара не разделял рукопашный бой и бой с оружием. В его понимании одно так или иначе подразумевало другое, но в традиционном безоружном бою Хаширама был практически неуязвим. Разве что противнику повезло бы лишить его конечностей, вырвать сердце или расколоть череп Сендзю одним ударом. В любых иных случаях регенерация справлялась с повреждениями. Даже Хьюга с их крушащим чакросистему стилем ничего не могли ему сделать. Хорошо что у Мадары было чем рубить оппонента: кама из чакропроводящего металла и верный гунбай проводящий фуутон.

Именно им, придав изначально плоскому ребру орудия острую воздушную режущую кромку, Учиха, с небольшой задержкой после атаки камой, ударил под углом сверху вниз. Второй удар был значительно слабее первого, так как почти вся энергия прыжка ушла туда, но момент для него был подобран идеально. Хаширама не мог ни полностью уклониться, ни заблокировать, но всё же умудрился спасти свою шею и жизнь, в последний момент резко сместив корпус влево и выпустив из рук, сошедшийся в клинче с камой Мадары, меч параллельно складывая печать змеи. Гунбай ударил в предплечье, отсекая руку и оставляя глубокую рану ниже подмышки, не прорубив ребро. Но несмотря на потерю конечности, Сендзю всё же успел завершить дзюцу. Тонкий древесный шип ударил Учиха в живот и вышел со спины.

- Я победил, - довольно просипел Хаширама, позволив себе расслабиться, упасть на колени... и потерять голову.

- Или тебе так кажется, - без особой радости в голосе, заметил стоящий у него за спиной Мадара, отворачиваясь от тела друга и болезненно потирая глаз.